

Теория и история культуры

Научная статья

УДК 130.3+78.01

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.199-213



Любовь и искусство: диалектика взаимосвязи

Валерий Ермолаевич Кулешов¹, Надежда Александровна Царёва²

¹Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С. О. Макарова,
г. Владивосток, Россия,

valkulesh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5742-5390>

²Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет,
г. Владивосток, Россия,

nadezda58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6179-3978>

Аннотация. Цель статьи — выявление диалектики любви и искусства, их взаимной детерминации. Появление и развитие самосознания дистанцировало *homo sapiens* от «братьев меньших» — и там, где было лишь половое влечение, заложенное природой, человек сотворил любовь как смысложизненную ценность, которая в искусстве, особенно в художественной литературе и музыке, является доминирующей темой. Отношения мужчины и женщины, названные любовью, становятся таковой во взаимном стремлении сделать друг друга счастливыми. Сложность их интеллектуального и чувственного миров реализацию этого стремления превращает в творческий процесс. Так создаётся «жизненное произведение», имеющее эстетическую ценность. В подобных случаях напряжённость чувств для художника становится той «музой», которая вдохновляет его братья за перо и создавать произведение искусства. Художественное произведение, показывая уникальность и красоту человеческих чувств, транслирует их в мир и превращает в достояние культуры. Так как любовь — не дар природы, а результат образования и воспитания человека, искусство является фактором, формирующим эмоциональную сферу сознания читателя, слушателя через погружение его в переживания героев. Так любовь и искусство, воздействуя друг на друга, увеличивают потенциал добра и красоты в мире.

Ключевые слова: любовь, искусство, творчество, чувства, смысл жизни, самосознание, образование, нравственность

Для цитирования: Кулешов В. Е., Царёва Н. А. Любовь и искусство: диалектика взаимосвязи // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 4. С. 199–213.

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.199-213

Theory and History of Culture

Original article

Love and Art: The Dialectics of Interrelation

Valery E. Kuleshov¹, Nadezhda A. Tsareva²

¹*Pacific Higher Naval College after S. O. Makarov, Vladivostok, Russia, valkulesh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5742-5390>*

²*Far Eastern State Technical Fisheries University, Vladivostok, Russia, nadezda58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6179-3978>*

Abstract. The aim of the article is to identify the dialectics of love and art, their mutual determination. The emergence and development of self-consciousness has paved a distance of the *homo sapiens* from his “lesser brothers” — and where once, long ago there was only sexual attraction inherent in nature, man created love as a life-meaning value, which in art, especially in artistic literature and music, presents the dominant theme. The relationship between man and woman, termed as love, becomes such in their mutual desire to make each other happy. The complexity of the intellectual and sensual worlds that is love turns the realization of this aspiration into a creative process. This is how a “work of life” that possesses aesthetic value is created. In such cases, the intensity of feelings becomes for the artist the “muse” that inspires him to take up the pen and create a work of art. An artistic work reproduces the uniqueness and beauty of human feelings, transmits them into the world and transforms them into the heritage of culture. Since love is not a gift of nature, but the result of human education and upbringing, art is a factor that forms the emotional sphere of the reader’s and the listener’s consciousness by immersing them into the experiences of the protagonists. Thereby, love and art, impacting each other, increase the potential of goodness and beauty in the world.

Keywords: love, art, creativity, feelings, meaning of life, self-consciousness, education, morality

For citation: Kuleshov V. E., Tsareva N. A. Love and Art: The Dialectics of Interrelation. *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*. 2023. No. 4, pp. 199–213. (In Russ.) DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.199-213

Введение

Любовь наряду со смыслом жизни и смертью является вечной человеческой и философской проблемой. В искусстве же, особенно в художественной литературе и музыке, теме любви принадлежит ведущая роль. Актуальность настоящего исследования определяется следующими основными факторами. Во-первых, идеология «цивилизованного потребителя», насаждаемая в постперестроечный пери-

од, вытесняет нравственные начала в человеческих взаимоотношениях, что приводит к увеличению количества разводов, свидетельствующему о кризисе любви. Во-вторых, проведённая реформа образования существенно снизила его творческий и нравственный потенциал, что требует сегодня пересмотра содержания художественной литературы и всей культурологической составляющей в школьных и вузовских программах. В-третьих, сложность отношений любви наиболее

релевантно раскрывается в художественных произведениях, что актуализирует рассмотрение диалектики любви и искусства через теоретическую призму.

Задачами исследования являлись: 1) рассмотрение особенностей человеческого сознания, детерминирующих в отношениях мужчины и женщины любовь как духовный феномен; 2) исследование чувственного потенциала любви как источника творческого вдохновения художника; 3) раскрытие роли художественных произведений в формировании, развитии, усложнении интеллектуальной, эмоциональной и нравственной сфер сознания, определяющих возможность любви в отношениях мужчины и женщины. Основными методами при решении задач стали диалектический, сравнительный, герменевтический, статистический, метод контент-анализа и др. Практическое значение исследования состоит в выявлении роли искусства как фактора гуманизации и эстетизации человеческих отношений.

Ответами на вопросы «Что есть любовь?» и «Что есть искусство?» во все времена в той или иной степени интересовались многие видные мыслители. Научная разработанность той и другой категорий позиционирует различные точки зрения на их сущностные характеристики и роль в жизни человека. Уже в древности Конфуций, Платон, Аристотель провозглашали поэзию и музыку как незаменимые средства формирования души человека. Необходимо заметить, что

темы любви и искусства, являясь перманентно открытыми, всегда вдохновляли философов и писателей отвечать на возникающие вопросы. Например, Л. Толстой проанализировал концепции своих предшественников (Баумгартена, Канта, Шиллера, Фишера и др.) об искусстве и обосновал свой взгляд на его предназначение¹. Вслед за В. Соловьёвым в XX веке в контексте развития культуры через призму нравственности рассматривали темы любви и искусства отечественные учёные Н. Бердяев, М. Бахтин, А. Лосев и др. Заметный след на данном тематическом поле оставили корифеи современной западной философии Ж.-П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, А. Камю. В конце минувшего века советские авторы (Ю. Рюриков, А. Чанышев, И. Нарский, А. Ивин и др.) в двухтомнике «Философия любви» представили ретроспективу исследования проблемы².

В современных условиях с изменением социально-экономических отношений в стране в публикациях, касающихся темы настоящего исследования, актуализируются темы любви и искусства, связанные с духовной ситуацией в обществе. Так, М. Дягилева анализирует феномен любви в контексте цивилизационного кризиса [1]. В ряде публикаций обращается внимание на роль искусства и творчества в преодолении отчуждения в человеческих взаимоотношениях [2], исследуются гендерные трансформации и их влияние на полоролевые модели поведения³. Заметные новые направления

¹ Толстой Л. Н. Что такое искусство? Статьи, письма, дневники / сост., вступ. ст. и коммент. В. Основина. М.: Современник, 1985. 592 с.

² Философия любви: в 2 ч. / сост. А. Ивин; предисл. Д. Горского, А. Ивина. М.: Политиздат, 1990. Ч. 1. 508 с.; Ч. 2. 605 с.

³ Высочина Ю. Л. Причины гендерной конвергенции и её влияние на изменение полоролевой модели поведения в современном обществе // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5. С. 484–485.

в искусстве естественно стимулируют исследовательский интерес к ним. Е. Вдовиченко и Г. Лушникова рассмотрели особенности отражения дискурса любви в современной художественной литературе постмодернистского направления [3]. По-прежнему на публикационном поле заметно выделяются исследования различных аспектов любви в произведениях классиков литературы. Например, Л. Бабенко и А. Эльстон-Бирон статистически репрезентировали типичные ситуации объяснения в любви на материале произведений А. Чехова [4]. Современные представления о любви тех или иных социальных групп выявляются проводимыми в регионах социологическими исследованиями, результаты которых отражаются в публикациях и, как правило, могут быть экстраполированы на соответствующий социум в стране⁴. Хотя темы любви и искусства были и остаются открытыми, философский дискурс релевантно отвечает на возникающие вопросы в связи с их сущностными и содержательными характеристиками. Научная же новизна настоящего исследования заключается в том, что диалектика любви и искусства, любви и творчества, рассмотренная в настоящей работе, ещё не становилась объектом того философского внимания, которого заслуживает.

Самосознание человека как фактор творчества

Любое исследование любви не могут не предварять следующие аксиоматические тезисы: 1) природа (или Всевышний) предусмотрели сохранение и

продолжение жизни на земле; 2) для этого люди разделены по половому признаку на мужчин и женщин (по аналогичному признаку разделены животные); 3) разнополые существа испытывают взаимное влечение друг к другу и последующее удовольствие от соответствующего физиологического процесса, благодаря чему жизнь продолжается.

Нам неведомо, каким образом сотворилась эта природная программа, но, как свидетельствует история, она оказалась достаточно мудрой и надёжно функционирует уже миллионы лет. Эта мудрость распространяется и на все другие жизненные процессы, задаёт оптимальные алгоритмы поведения в типичных ситуациях, названные инстинктами, благодаря которым поддерживается выживание видов и некое их равновесие в природе. Если рассматривать только физиологические аспекты этого чуда жизни на земле, то можно констатировать, что взаимное влечение полов находится в одном ряду с необходимостью утоления голода, жажды и других биологических потребностей. Такую ситуацию мы наблюдаем у животных. Человек же сотворил ещё одно чудо — он это самое влечение полов выделил из всех других потребностей, одухотворил его до такой степени, что оно стало центральной темой искусства. Появилось понятие любви, которое уже заявляло не только и даже не столько о своём биологическом первоисточнике. Именно здесь, на поприще любви, *homo sapiens* дистанцировался от «братьев наших меньших» и громогласно заявил о своей особенной человеческой сути. Поэтому вести разговор

⁴ Красова Е. Ю. Представления Воронежской молодёжи о любви как жизненной ценности (социологический анализ) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 4. С. 57–64.

о любви и искусстве, которое стало её домом, можно только в неразрывной связи с исследованием человека и особенностей его духовного мира.

Животное превратилось в человека, когда сознания в нём стало больше, чем требуется для поддержания жизни в её биологических рамках. И это «лишнее», свободное сознание (в философии оно названо самосознанием), естественно, направляется на самый ценный и интересный для него объект — на своего носителя. Человек увидел самого себя и таким образом отделился от природы. И первый вопрос, который не мог не возникнуть в этой ситуации, это «Кто я?». И дальше можно моделировать появление массы вопросов как по отношению к самому себе, так и по отношению к природе и окружающему миру, которые стали объектами познания. Это «лишнее» сознание (самосознание) сподвигло человека на творчество, так как готовых ответов на возникающие вопросы ещё не было. Он отвечал на них впервые, то есть делал открытия, процесс и результат совершения которых приносили радость, как это происходит при удовлетворении любой актуальной потребности. У человека, в отличие от животного, в дополнение к биологическим удовольствиям, которые лимитированы природой, появились неограниченные возможности испытывать положительные эмоции от удовлетворения духовных потребностей.

В результате этой творческой деятельности человечество получило науку, философию и искусство. Всё, что можно было измерить и проверить, наука взяла

под своё крыло. Вечные проблемы, непосильные науке (смысл жизни, смерть, вера, любовь и др.), исследовала философия. Но если при рассмотрении проблем, требующих рационального осмысления, философы в состоянии определить, о чём идёт разговор, то на поприще любви во все времена наблюдались «разброд и шатания». Несмотря на её вездесущность, диалектическое философское око с разочарованием в самом себе фиксирует лишь появляющиеся и исчезающие образы. Вместе с тем нельзя утверждать, что философия недооценивает роль любви в человеческом бытии. Остроумно об этом ещё в XVII веке высказался Блез Паскаль: «Чтобы до конца уяснить себе всю суетность человеческой природы, довольно вдуматься в причины и следствия любви. Причина её — “неведомо что” (Корнель), а следствия ужасны. Это “неведомо что”, эта малость, которую и определить-то невозможно, сотрясает землю, движет монархами, армиями, всем миром. Нос Клеопатры: будь он чуть покороче, весь облик земли был бы сегодня иным»⁵. Позднее с его замечанием перекликается рассуждение Стефана Цвейга в историческом романе «Мария Антуанетта»: «Следствий, получивших своё начало в альковах и за пологам королевских постелей и наложивших отпечаток на события мировой истории, существенно больше, чем обычно считают»⁶. Но влияние любви на историю и на облик нашей планеты, в отличие от природных процессов, происходит не глобально, а является результатом поступков, действий, вызванных уникальными эмоциональ-

⁵ Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. СПб.: Азбука, 1999. С. 65.

⁶ Цвейг С. Мария Антуанетта. Портрет ординарного характера / пер. с нем. и примеч. Л. Миримова; авт. предисл. П. Черкасов. М.: Мысль, 1989. С. 30.

ными переживаниями «его» и «её», коих на земле миллиарды. История, претендуя на строгую фактичность своих исследований, работает со следствиями, с масштабными результатами, не пытаясь углубляться в бесконечную сложность предшествующих духовных причин, дабы не утратить легитимность своих претензий. А эти духовные причины рождаются страданиями и восторгами во взаимоотношениях чувственных миров конкретных мужчин и женщин. Что представляют эти страдания и восторги, показывало и показывает искусство.

Началом, истоком искусства, по мнению современных исследователей, явился качественный скачок в развитии сознания. 35 тысяч лет назад доисторический человек начал создавать наскальную живопись. На рисунках животных и людей, обнаруженных в пещерах Альтамира, изображалось то, чего не было и не могло быть в действительности. Например, лошади покрывались точками, человек имел копыта и т. д. Люди «...буквально проецировали на свои доисторические полотна те видения, что порождал их мозг»⁷. Это было уже искусство, будущее развитие которого заставляло человека воображать, мечтать — и превратило его жизнь в созидательную. Именно искусство в дальнейшем, благодаря использованию художественных образов, стало удовлетворять потребность в воспроизводстве и передаче человеческой чувственности. Наиболее репрезентативно это осуществляет художественная литература, так как язык является самым доступным сред-

ством для передачи мыслей и чувств от одного человека другому. А так как слова являются важнейшими атрибутами мыслительного процесса, уровень интеллекта индивида диалектически коррелирует с уровнем владения им языком. В каждом индивидуальном сознании рациональная и эмоциональная сферы не являются автономными, независимыми друг от друга. Это ситуация двух бегунов на дистанции, когда ни тот, ни другой не может существенно оторваться от напарника. Блез Паскаль по этому поводу писал: «Чем больше людям отпущено ума, тем сильнее их страсти. Ведь страсти — это чувства и мысли, всецело принадлежащие уму, хотя их внешней причиной служит тело; значит, в них нет ничего, что выходило бы за пределы ума, и, следовательно, они ему соразмерны <...> Величие души проявляется во всём»⁸.

И если посмотреть «с высокой колокольни» на всю ретроспективу философских размышлений о любви и её отражения в произведениях искусства, то можно констатировать, что эти размышления и употребление термина «любовь» начались, когда кроме полового влечения появилось «человеческое, слишком человеческое» (Ницше) отношение мужчины к женщине и женщины к мужчине. Это «слишком человеческое» подразумевает и слишком большую дистанцию, которую преодолело, оторвавшись от животного, избыточное сознание (самосознание) со своими претензиями на смысл жизни и бессмертие. А так как история демонстрирует неуклонный рост духов-

⁷ Мальнева Е. Ю. «Новое возрождение», «когнитивный поворот» и конструкты человеческого разума: как искусство создает реальность, или как иллюзия порождает искусство // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1. С. 209.

⁸ Паскаль Б. Рассуждения о любовной страсти // Философия любви... Ч. 2. С. 230.

ной культуры населения, то, моделируя на её давнем старте доминирование в большинстве случаев биологических начал в отношениях мужчины и женщины, можно говорить, что в древности любви не было. В сюжетах древнегреческих мифов боги очень часто весьма бесцеремонно относятся к объекту своего полового влечения. Например, Зевс преобразуется в облик мужа Алкмены, чтобы с помощью такого обмана овладеть ею. В Античности отношение к женщине в большинстве случаев детерминировалось её мизерной ролью в социокультурном пространстве того времени, что позволило Аристотелю заявлять, что женщина «существо низшее»⁹. Необходимо заметить, что эта оценка женщины Аристотелем дана в «Поэтике» — аналитическом произведении, посвящённом поэтическому искусству. Естественно, что о любви, которая является стержневой темой современной поэзии, у Аристотеля речи не идёт. Гегель, рассуждая в этом контексте, в своё время писал: «У народов, где женщины не пользуются особым уважением, родители устраивают браки по своему произволу, не спрашивая вступающих в брак индивидов, и они повинуются этому, поскольку особенность чувства ещё не предъявляет здесь своих притязаний. Девушке нужен лишь муж вообще, мужчине — жена вообще»¹⁰.

Точка зрения философов, что в древности в странах, «где женщины не пользуются особым уважением», любви не

существовало, является справедливой при условии экстраполяции её на большую часть социума, но не на всё население. Исключения из правила наблюдаются чаще всего не у философов (они склонны к обобщениям), а в произведениях искусства, отражающих человеческие чувства, которые, как известно, реально находятся в духовном мире (душе) индивида. И эти произведения свидетельствуют, что во все времена — даже в эстетических пустынях социумов — существовали оазисы уникальных чувств и соответствующих им отношений, которые являлись любовью и в качестве таковой обрели себе бессмертие в этих самых произведениях, прежде всего в художественной литературе. Гомер (IX–VIII века до н. э.) в «Илиаде» причиной военного похода ахейцев на Троию считает похищение супруги спартанского царя Елены троянцами. И поистине безбрежной любовью наполнены слова Андромахи к своему мужу Гектору перед битвой: «Никакой уж мне больше не будет радости в жизни, когда тебя гибель постигнет. Удел мой — горести»¹¹. «И сжалось у Гектора сердце. Гладил её он рукою и слова говорил...»¹². И это написано почти за тысячу лет до нашей эры. Да и в античной мифологии наряду с описаниями бесцеремонности богов в улажении своих желаний присутствуют сюжеты с такими чувствами и поступками влюблённых, которые позднее в разные времена неоднократно

⁹ Аристотель. Поэтика. Риторика / вступ. ст. и коммент. С. Трохачёва; пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Азбука, 2000. С. 44.

¹⁰ Гегель Г. В. Философия права / авт. вступ. ст. и примеч. В. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. С. 211.

¹¹ Гомер. Илиада // Илиада; Одиссея / пер. с древнегреч. В. Вересаева; сост., вступ. ст., коммент. А. Тахо-Годи. М.: Просвещение, 1987. С. 69.

¹² Там же. С. 71.

вдохновляли художников на создание посвящённых им произведений. Так, душевные муки богини Афродиты после смерти её возлюбленного Адониса были столь велики, что громовержец Зевс из сострадания к ней повелел царю подземного царства на полгода возвращать к ней погибшего. И природа эти полгода радовалась и расцветала.

Когда мы говорим о чувственных переживаниях героев художественных произведений, то должны иметь в виду, что, в отличие от фантастических сюжетов, связанных с материальными объектами, нельзя придумать и описать эмоции, которых нет и не может быть в духовном мире человека. Более того, изображение их даже гениальным автором не может конкурировать с их реальными силой, яркостью, звучанием в живом человеке. То, что из него переключалось в произведение, является лишь отголоском, отблеском страдания или счастья. Именно об этом крылатая фраза Гёте: «Теория, мой друг, суха, / Но древо жизни вечно зеленеет»¹³.

Приведённые примеры показывают, что любовь как особенные человеческие чувства и детерминированные ими нравственно окрашенные взаимоотношения мужчины и женщины впервые появилась отнюдь не во времена всеобщей высокой образованности социума. Речь шла о конкретных влюблённых, которые находились и в обществах, характеризующихся Гегелем как народы, «где женщины не пользуются особым уважением». Но в подобных обществах, как свидетельствуют литературные источники, любовь

оказывалась достоянием и наградой для немногих избранных, преодолевших путь от животного не только к человеку (существо, обладающему самосознанием), но и поднявшихся на уровень развития интеллекта, эмоций и нравственности, позволявших превратить жизнь и любовь как одну из её смысловых ценностей в творческий процесс [5, с. 180]. Без него, как было отмечено выше, удовлетворение полового влечения представляет собой физиологическое явление, аналогичное утолению жажды, голода, потребности в сне и т. д.

Любовь и искусство как взаимные детерминанты

После времён Античности, когда, по Аристотелю, среднестатистическая женщина являла собой «существо низшее», современные индустриальные и постиндустриальные общества прошли длительный путь культурной эволюции, итогом которой явилась эмансипация женщин на всех жизненных поприщах. Параллельная этой эволюции ретроспектива развития искусства однозначно свидетельствует, что на всех его этапах любовь являлась как доминирующей темой, так и вдохновляющей силой творчества. Ещё в XIII веке эту детерминацию в «Божественной комедии» зафиксировал Данте Алигьери: «...Когда любовью я дышу, / То я внимателен, ей только надо / Мне подсказать слова, и я пишу»¹⁴. С неизменной исторической тенденцией повышения уровня образования населения естественно коррелировало увеличение количества тех, кому любовь

¹³ Гёте И. В. Фауст. Лирика / вступ. ст. и примеч. А. Михайлова. М.: Художественная литература, 1986. С. 72.

¹⁴ Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. Д. Минаева. М.: АСТ, 2022. С. 68.

подсказывала слова или мелодии и заставляла братья за перо. Так, почти 200 лет назад Гёте полушутливо писал по этому поводу: «Как много их! Поют, режут! / Не по душе мне это! / Боюсь, что со свету сживут / Поэзию — поэты!»¹⁵

Установленная корреляция любви и творчества позволяет констатировать, что увеличение количества пишущих свидетельствует о превращении любви из достояния избранных в достояние многих, благодаря тенденции прогрессивного развития духовной культуры общества. И этими многими являются не только те, кого любовь вдохновила на создание художественных произведений, но и творческие люди, реализующие себя в других сферах жизни. И то, что не они запечатлели, например, в стихах помыслы и чувства, достойные поэзии, отнюдь не девальвирует ценность их любви. Главное, что эти чувства были, переживались — и не столь важно, под чьей фамилией опубликованы на литературных страницах. В этом контексте, утрируя, можно сказать, что автору выпала честь быть вывеской человеческих переживаний. Талант рассказать о них вторичен по отношению к таланту переживать. Тем более что у искусства не существует средств для передачи невыразимого. Об этом строки Фета: «О, если б без слова / Сказаться душой было можно!»¹⁶ Поэты, используя звучание слова, ритм и рифму, пытаются совместить в стихотворении возможности прозы и музыки, рациональный и эмоциональный аспекты феномена любви. Композиторы

с этой целью сочиняют мелодии к стихам. Но даже гениальные произведения представляют собой лишь неартикулированное эхо того, что звучит в сознании («в душе человеческой»).

И то, что именно любовные перипетии, как внутренние (духовные), так и внешние (отношения, действия), становятся предметом художественного произведения, вполне закономерно. Они создают напряжение чувств, называемое вдохновением, которое заставляет «братья за перо» и без которого не могут возникнуть эмоционально нагруженные художественные образы. Для того чтобы между двумя электрическими проводами проскочила искра, необходимо напряжение. И чем оно выше, тем больше вероятность её появления. Эта закономерность как метафора вполне уместно экстраполируется на художественное творчество.

Язык философии и науки вербализирует рационально-логические дискурсы. Художественный образ несёт в себе и ретранслирует чувства, которые нельзя придумать, — их надо испытать. И то, что перипетии любви неоспоримо доминируют на тематическом поле искусства (прежде всего в литературе и музыке), свидетельствует о наличии иерархии чувств в эмоциональном мире человека. В этом иерархическом контексте художник не отличается от своих собратьев вида *homo sapiens*. Сложность отношений мужчины и женщины оказалась для человеческого сознания неиссякаемым источником творческой энергии, обеспечившей ему

¹⁵ Гёте И. В. Горе от избытка // Лирика / вступит. ст., примеч. Н. Вильмонта. Хабаровск: Кн. изд-во, 1981. С. 135.

¹⁶ Фет А. А. «Как мошки зарёю...» // Стихотворения. Проза. Письма / вступ. ст. А. Тархова, сост. и примеч. Г. Аслановой и др. М.: Советская Россия, 1988. С. 40.

максимальную самореализацию. А. Блок одно из стихотворений завершает словами: «...только влюблённый имеет право на звание человека»¹⁷. Равнодушие, отсутствие любви — это смерть человека как существа творческого. Потребность в любви заставляет мечтать, созидать образ любимой (любимого), сочинять и приписывать ему даже несуществующие качества. У художников этот образ оживает в тексте, в нотах, на холсте. Так утоляется жажда прекрасного, стремление к совершенству.

Несовпадение желаемого и действительного в реальной жизни, обрушение надежд, муки безответной любви порождают такую силу эмоций, которая одних превращает в несчастных на пепелище жизни, а других вдохновляет на свершения у пределов возможного. Здесь необходимо ещё раз вспомнить о вышеназванной иерархии чувств, но уже внутри самого любовного диапазона. Как он доминирует над другими эмоциями, так в нём самом сила и «весовая категория» страданий преобладает над наслаждением, гармонией и комфортом. А. Шопенгауэр по этому поводу писал: «Кто хочет вкратце поверить утверждению, что наслаждение превышает страдание или по крайней мере равносильно с ним, — пусть сравнит ощущения двух животных, пожирающего и пожираемого»¹⁸. А так как эмоциональное напряжение является источником вдохновения, в художественной литературе очень мало

тихих заводей умиротворения — она бросает читателя в духовные бури и сражения. С их исчезновением писать уже не о чем. Великий отечественный романтик А. Грин, завершая испытания своих влюблённых героев созданием семьи, всю их будущую счастливую жизнь уместает в одну строку: «Они жили долго и умерли в один день»¹⁹.

Эмоции влюблённого человека заставляют его быть деятельным, активным, творческим. Любить — значит одновременно желать быть любимым. А желать — значит действовать. Праздномыслие, каким бы прекрасным оно ни было, безрезультатно и оценивает человека скорее отрицательно, чем положительно. На это обращал внимание Ж.-П. Сартр: «Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков...»²⁰ Встречных чувств нельзя вымолить или вытребовать. Они нужны и ценны только как искренние и свободные. И человек творит себя, чтобы быть достойным любви. А результативность жизнедеятельности уже сама по себе приносит радость, удовольствие. Причём эти положительные эмоции испытываются независимо от реакций объекта любви, так как самореализация человека имеет автономную ценность, придающую его жизни смысл. Процесс творчества и открытий дарит человеку ощущение силы, значимости, победы. В связи с этим

¹⁷ Блок А. А. «Когда вы стоите на моём пути...» // Избранное. М.: Детская литература, 1974. С. 39.

¹⁸ Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 198.

¹⁹ Грин А. С. Позорный столб // Бегущая по волнам: Роман. Рассказы. М.: Художественная литература, 1989. С. 190.

²⁰ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / сост., общ. ред. и предисл. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 333.

удачным примером вписалась в историю легенда об Архимеде, который, погружаясь в ванну, открыл закон, определяющий объём вытесненной жидкости. Он ощутил такой восторг, что, забыв одеться, выбежал на площадь с воплями: «Эврика! Я открыл!»²¹ Легенда это или нет, неважно — она правдиво показывает корреляцию творчества и человеческого счастья.

В художнике любые переживания любви в какой-то мере оправдываются радостью от подсказанного ими удачного образа, который, в свою очередь, может стать очередным вдохновителем и суфлёром в дальнейшей творческой работе над произведением. Как художественный образ, так и последующие находки будут не плодом логических размышлений. Они рождаются интуитивно: не прогнозируемо, метафорически заявляют о себе, сцепляются — и рисуют текстовую или звуковую картину любви, без чего рациональное её объяснение было бы не более информативным, чем напряжённое молчание или мычание. То есть искусство проясняет любовь и множество её ипостасей, превращает её в реально ощутимые и переживаемые читателем, слушателем чувства.

Этот тезис приводит к пониманию механизма влияния произведений искусства на формирование в человеке способности любить. Общеизвестный биологический принцип гласит: «Функция создаёт орган». То есть соответствующий характер тренировок формирует нужные физические качества. Данная детерминация аналогично действует в человеческом со-

знании. Погружаясь в произведение искусства, человек становится соучастником размышлений и переживаний героев. Автор заставляет его сострадать, ненавидеть, радоваться, испытывать множество оттенков чувств. Систематичность подобных погружений является тренажом, в процессе которого сознание усложняется — в нём вырабатывается способность представлять и прогнозировать духовный мир другого. В этом контексте необходимо отметить нравственное равнодушие отечественной классики, что обоснованно подчёркивают большинство исследователей: «...философия любви, выраженная в русской литературе, обращает внимание на метафизический смысл любви как истинной экзистенции человека» [6, с. 29].

Познающему сложное понятно равное ему и интересно более сложное. Так, искусство, не абстрагируясь от природного полового влечения, поднимает отношения мужчины и женщины от телесности до духовности, превращает их в «человеческие, слишком человеческие», то есть в любовь. «Хотеть — это дело тел, а мы друг для друга — души...», — констатирует талантливейшая поэтесса Марина Цветаева²². И все перипетии любви, её радости и горести, достойные романов, стихов и песен, это не только и не столько о «хотении» тел, сколько об устремлениях и звучаниях душ, пытающихся временность жизни превратить в безгранично ценную. Такое отношение к любви не является подарком природы — это результат образования и особенно участия в нём эстетической составляющей, то есть

²¹ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней / пер. с итал. С. Мальцевой, науч. ред. Э. Соколова. СПб.: Петрополис, 1994. С. 213.

²² Цветаева М. И. Поэма Конца // Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. М.: Художественная литература, 1990. С. 200.

приобщения человека к искусству. Нарративное исследование, проведённое А. Сокол, показало, что даже первая романтическая любовь опирается на уже существующий культурный образец [7]. Поэтому чтение художественной литературы и занятия музыкой являются не столько приятным заполнением досуга, сколько движением к человеческому совершенству, при котором и возможна любовь. И если Аристотель характеризовал типичную женщину того времени как «существо низшее», то речи о любви быть не могло. Женщина была, по мнению ряда авторов, средством для удовлетворения полового влечения и орудием детопроизводства. Подобные отношения на определённом историческом этапе могут преобладать, быть типичными, но экстраполировать их на весь социум некорректно. Здесь более уместна дифференциация: «количество любви» в конкретном обществе в конкретное время (прибегнем к математическому термину) пропорционально уровню культуры, образованности людей. Как показывает история, «низшие существа» обоих полов были, есть и, видимо, будут всегда в любом социуме. Поэтому философия и искусство становятся свидетелями широкого диапазона отношений мужчины и женщины, начиная с «хотения тел» и заканчивая уровнем, на котором эти отношения и искусство становятся достойными друг друга.

Движение от одного полюса к другому в этом диапазоне показывает ретроспективу становления и развития человека как творческого существа. Любовь и искусство, подпитывая друг друга, усложняли сознание, вносили в него

неуспокоенность, которая детерминировала жизненную активность. Мигель де Унамуно, акцентируя внимание на проблемах, порождённых сознанием, писал: «Человек, именно потому, что он человек, то есть существо, обладающее сознанием в отличие от любого животного, есть больное животное. Сознание — это болезнь»²³. Этой «болезнью» является желание самосознания, большего, чем необходимо для физического выживания и существования. Кроме жизни человеку нужен смысл жизни, кроме биологических удовольствий, предусмотренных природой, он жаждет любви, а кроме временности бытия, неосознаваемого животным, он хочет бессмертия. Детерминированные этими потребностями результаты деятельности человека, достойные бессмертия, искусство приобщает к вечности. В том числе к вечности и бессмертию приобщается любовь. Однако в отличие от материальных объектов, которые охраняются ЮНЕСКО как завершённые творения, любовь предстаёт в искусстве живым чудом человеческих взаимоотношений, в которых чувства, интеллект и нравственность, интегрируясь, заявляют о беспредельности своих возможностей. В любви реализуется их высший потенциал. Но, как отмечалось выше, понимание и восприятие любви, а значит, её созидание, творение конкретными представителями *homo sapiens* находится в диапазоне от «пошли заниматься любовью» до вершин творческой самореализации индивида.

Можно говорить о множестве внутренних и внешних факторов, снижающих смысловую ценность жизни. Ими могут

²³ Унамуно М. О трагическом чувстве жизни у людей и народов // Человек. 1990. № 6. С. 137.

быть генетическая программа, система обучения и воспитания, формирующая «цивилизованного потребителя», факторы микро- и макросреды. Эрих Фромм, хорошо знающий западный образ жизни, писал, что любовь «...стала у нас довольно редким явлением, а её место заняли многочисленные формы псевдолюбви, которые в действительности являются формами её разложения»²⁴. Причину этого мыслитель видит в том, что рыночные отношения из экономической сферы перекочевали в духовную — и индивид вместо любви довольствуется обменом «набора качеств». Нельзя отрицать роли общественных отношений в формировании человека, но и нельзя абсолютизировать их влияние. При любом общественном строе у индивида есть возможность выбирать разумное и нравственное отношение к себе, к любимому человеку и к окружающему миру; бороться за это отношение, чтобы иметь смысл и оправдание случайно доставшейся доли временного пребывания на земле.

Заключение

Таким образом, исследование диалектики любви и искусства позволяет сделать следующие выводы.

1. Человеческое самосознание дистанцировало своего носителя от «братьев меньших» и из полового влечения, заложенного природой, сотворило любовь, в которой чувственный фактор находится в диалектическом единстве с достаточно высоким уровнем интеллекта и нравственности конкретных мужчины и женщины. Стремление любить и быть любимым (достойным любви) превраща-

ет человека в активного деятеля, творца на разных жизненных поприщах. Любовь предстаёт как духовное творение, в котором совершаемые поступки и проявленные качества являют сюжет, заслуженно претендующий на смысложизненную ценность.

2. Доминирование и активность чувственного фактора в любви, ощущение человеком своей силы, красоты, значимости естественно требует трансляции этого состояния не только любимой (любимому), но и миру, что и происходит в искусстве через художественные образы — в единственном виде духовной деятельности, способном в какой-то степени ретранслировать эмоциональные переживания человека. Их напряжение в художнике и является той музой, которая стимулирует творчество. Поэтому любовь по праву утвердилась в искусстве (особенно в литературе и музыке) как центральная тема и одновременно стала фактором его развития.

3. Так как любовь, в отличие от биологических потребностей, является не данностью природы, а итогом образования человека, искусство превращается в фактор, погружающий сознание читателя, слушателя, зрителя в любовные переживания героев, в результате чего развивается, усложняется, оттачивается эмоциональная сфера сознания. Талантливые произведения искусства не только сохраняют атрибуты и перипетии любви, но и экстраполируют, транслируют их в весьма несовершенный мир, а это вселяет надежду, что движение в «будущее, которое светло и прекрасно» (Н. Чернышевский), будет продолжаться.

²⁴ Фромм Э. Искусство любить // Душа человека / общ. ред., сост. и предисл. П. Гуревича. М.: Знание, 1992. С. 153.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дягилева М. В. Феномен любви в контексте цивилизационного кризиса. Комментарий к главе 15 сочинения Питирима Сорокина «Пути и сила любви...» // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6, № 2. С. 20–28. DOI: 10.24833/2541-8831-2022-2-22-20-28
2. Сериков В. В., Пивоварова Е. В. «Свободное творчество» как вариант преодоления острых форм отчуждения в современном мире // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 8. С. 1653–1658. DOI: 10.30853/mns210295
3. Вдовиченко Е. А., Лушникова Г. И. Дискурс любви в художественной литературе (на материале романа Эрика Шмитта «Попугай с площади Ареццо» // Филология и человек. 2019. № 3. С. 129–143. DOI: 10.14258/filichel(2019)3-10
4. Бабенко Л. Г., Эльстон-Бирон А. В. Дискурс «Объяснение в любви»: проблема автоматического выявления (на материале произведений А. П. Чехова) // Научный диалог. 2021. Вып. 1, № 7. С. 9–26. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-9-26
5. Кулешов В. Е., Царёва Н. А. Любовь: диалектика в ней эмоционального, рационального и нравственного факторов // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 7. С. 179–185. DOI: 10.23670/IRJ.2022.121.7.031
6. Майкова В. П., Молчан Э. М., Гавва Р. В. Философия любви в русской литературе и важность её усвоения для формирования жизненных ценностей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 23–31. DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-23-31
7. Сокол А. В. Дискурс первой романтической любви: гендерные сценарии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 4. С. 68–91. DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.4

Информация об авторах:

В. Е. Кулешов — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Н. А. Царёва — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

References

1. Dyagileva M. V. The Phenomenon of Love in the Context of a Civilizational Crisis. Commentary on Chapter 15 of the *Ways and Power of Love* by Pitirim Sorokin. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2022. Vol. 6, No. 2, pp. 20–28. (In Russ.) DOI: 10.24833/2541-8831-2022-2-22-20-28
2. Serikov V. V., Pivovarova E. V. “Free Creativity” as Means to Overcome Urgent Problem of Estrangement in the Modern World. *Manuskript*. 2021. Vol. 14, Issue 8, pp. 1653–1658. (In Russ.) DOI: 10.30853/mns210295
3. Vdovichenko E. A., Lushnikova G. I. The Discourse of Love in Fiction (Based on the Material of Eric Schmitt’s Novel *Les Perroquets de la place d’Arezzo*). *Philology and Human*. 2019. No. 3, pp. 129–143. (In Russ.) DOI: 10.14258/filichel(2019)3-10
4. Babenko L. G., Elston-Biron A. V. Discourse “Declaration of Love”: Problem of Automatic Identification (Works of A. P. Chekhov). *Nauchnyi Dialog [Scientific Dialogue]*. 2021. Vol. 1, No. 7, pp. 9–26. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-9-26

5. Kuleshov V. Y., Tsareva N. A. Love: The Dialectic of Emotional, Rational and Moral Factors. *Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal / International Research Journal*. 2022. No. 7, pp. 179–185. (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2022.121.7.031

6. Maykova V. P., Molchan E. M., Gavva R. V. The Philosophy of Love in Russian Literature and the Importance of Its Assimilation for the Formation of a System of Life Values. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*. 2022. No. 1, pp. 23–31. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-23-31

7. Sokol A. V. Discourse of First Romantic Love: Gender Scenarios. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2021. Vol. 13, No. 4, pp. 68–91. (In Russ.) DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.4

Information about the authors:

Valery E. Kuleshov — Dr.Sci. (Philosophy), Professor at the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines.

Nadezhda A. Tsareva — Dr.Sci. (Philosophy), Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

Поступила в редакцию / Received: 17.09.2023

Одобрена после рецензирования / Revised: 24.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.10.2023